

«ЛИТЕРАТУРА “НУЛЕВЫХ”: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ»¹. КРУГЛЫЙ СТОЛ

Максим Лаврентьев, *поэт, главный редактор журнала
«Литературная учеба»:*

Около четверти века назад критик Владимир Вигилянский, полемизируя на страницах «Литературной учебы» с поэтом Александром Щупловым, аргументированно отрицал существование «литературы восьмидесятых». По мнению критика, все значимые имена и тенденции «перешагнули» в этот период из предыдущего десятилетия. Разумеется, полемика велась ещё до перестроечного бума, когда волна т. н. возвращённой литературы затопила, кажется, не только семидесятые годы, но и все семьдесят лет советской литературы...

Уважаемые господа! Наш сегодняшний круглый стол посвящён подведению предварительных литературных итогов первого десятилетия нового века. Многие из нас именно в эти годы активно включились в литпроцесс, но на разных этапах своего творческого развития. Уместно ли в данном случае говорить о сколько-нибудь едином поколении «нулевых», или же двадцати-, тридцати-, сорокалетние продвигались собственными путями по лабиринтам искусства? Каковы, на ваш взгляд, наиболее характерные черты отечественной литературы и окололитературного мира прошедших девяти–десяти лет? Прогрессом или движением вспять представляется вам течение современного литературного процесса?

Сергей Шаргунов, *писатель:*

¹ Литературная учеба. 2010. №1. С. 6-20.

В начале «нулевых» годов в журнале «Новый мир» я выступил со статьёй-манифестом «Отрицание траура», где было несколько диагнозов и прогнозов. Впоследствии я развил их ещё несколькими текстами. Чтобы убедиться в том, что предсказанное сбылось, достаточно заглянуть в эти статьи, а потом оглядеться вокруг.

Например, как бы кто раздражённо ни цеплялся к терминам, но «новый реализм» + социальность – такова формула мейнстримной литературы, где прозаик Прилепин, а поэт Емелин.

Убеждён, можно говорить о целом поколении пишущих. Особенно – о целом поколении критиков. Они разные и в то же время обладают важным сходством. Это своего рода идеологические разночинцы. Они застали краешек советской системы, росли в вольные и буйные девяностые, угодили в «нулевые» («нулевые» – сложное время, которое сначала вскрыло и наполнило воздухом признания маргинальные подвалы, а потом вообще всё отформатировало и закатало).

Поколение «нулевых» – те, кто сочетает тягу к упорядоченности и головокружительное свободомыслие, любовь к основательному и протестный жест.

Меня радует, что, вопреки общественной деградации (надежду на авангардное обновление, вспыхнувшую в начале «нулевых», сменило ощущение абсурдной беспросветной реакции), культура жива. Молодая русская культура впитала энергии, потерянные обществом. Культура – пространство полифонии, и притом многоязыкий шум ярко присутствует в каждом отдельном авторе. Больше того – автор открывает себя нараспашку, этот шум выплёскивая вон! Культурный сдвиг виден на примере Михаила Елизарова. Человек пишет адский трэш с расчленёнкой, получает степенную высококолобую премию, сам (и это уже «новая социальность») числит себя имперцем-мракобесом. Такова она, русская словесность начала века. Сбросила кожу унылых предрассудков и фобий, старопатриотических и старолиберальных. Конечно, куда без этого, приобретая новые, свои язвочки (нарциссизма, дикости, пошлости и даже «постмодернистского постмодернизма», то есть заимствований у предшественников, но всерьёз). Очень живая. Прогрессивная? Скорее просто живая. Чаю её развития.

Новую социальность можно назвать старым словом «народничество». Сопереживание простым людям, бедным людям, способность окунуться душой в «большинство» и насладиться его, нет, не серостью, а светлостью. Ваша светлость, товарищ народ! Лирическая нежность к грубой земле под ногами идёт от того же народничества. Перечисленное – психологические меты поколения.

Кто-то упрекает современных авторов в тоталитарной слепоте. Уверяю, что завтра мода на красное может смениться ностальгией по триколору времён «преображенской революции» (выражение Солженицына). Литература подобна человеческому организму. Организм должен быть стоек и бодр, и память с её свойствами довольно цинична, замазывает одно и увеличивает другое. Времена меняются. Невозможно всё время вздыхать о

невзгодах царизма, гнёте советизма, да и лихих девяностых. Коротка память человека. Склонность романтизировать незнакомое или полужнакомое прошлое и преодолевать материал настоящего – естественное стремление человека. Особенно – художника с его впечатлительностью и возбудимостью.

А если о прозе, то от прозаиков жду – сюжетности, художественности и больше мыслей. Да, вслед за пацанским нахрапистым упрощением и ясной звонкой пустоголовостью сейчас (я так чувствую!) снова начинает быть востребован интеллектуализм.

Сергей Беляков, критик:

Подводить итоги десятилетия было бы с моей стороны самонадеянно. Но есть вещи очевидные. Даже Сергей Гандлевский недавно признал конец «литературоведческого» направления, которое господствовало у нас в девяностые. Смена эпох произошла гораздо раньше. Водоразделом между девяностыми и «нулевыми» я считаю закрытие проекта «Курицын-weekly». Теоретик русского постмодернизма ушёл из литературной критики, освободив место для людей нового времени.

Впрочем, провозвестники нашей тихой литературной революции появились раньше. Я бы здесь вспомнил и публикацию «Знаменем» «Минуса» Романа Сенчина, и шаргуновское «Отрицание траура» в «Новом мире».

Новое поколение русских писателей, с лёгкой руки Сергея Шаргунова и Валерии Пустовой получившее название «новых реалистов», попыталось вернуться к литературе серьёзной, внятной, привлечь внимание читателя. Читателя привлекли немногие, но литературный климат сменился. Вновь появились критический реализм и психологическая проза. Появился даже роман идей. Сам Владимир Сорокин, постмодернист из постмодернистов, начал мимикрировать под «идейного» писателя. Сочинил два псевдоисторических и псевдоидеологических романа, которые наша наивная литературная общественность приняла за чистую монету.

Из писателей-постмодернистов процветает только Б. Акунин, но он всё более уходит в массовую литературу.

Открытиями девяностых стали преимущественно реалисты, наследники русской и советской реалистической традиции.

Далеко не все пришли в литературу под шаргуновскими знамёнами. Александр Иличевский, Алексей Иванов, Евгений Гришковец никак не связаны с «новыми реалистами», с форумом в Липках. Роман Сенчин пришёл в литературу раньше, хотя к сторонникам Пустовой–Шаргунова–Рудалёва он охотно примкнул. Сенчина я считаю крупнейшим писателем этого направления. Дмитрий Новиков и особенно Захар Прилепин более известны, но как мастер, полагаю, Роман их обошёл.

Александр Иличевский, самое яркое открытие «нулевых», пишет преимущественно в реалистической манере, хотя на него оказала влияние как раз литература девяностых, прежде всего метаметафоризм Парщикова.

Вероятно, Иличевский избрал наилучший способ распрощаться с прошлым: заимствовав многие приёмы у предшественника, он работает уже в совершенно иной манере.

Сравнивать писателей «нулевых» (это понятие, безусловно, намного шире, чем понятие «новые реалисты») и писателей девяностых трудно, но нет сомнения, что проза Романа Сенчина, Александра Иличевского, Алексея Иванова, Дмитрия Новикова, Игоря Фролова, Ульяны Гамаюн достойна лучших образцов литературы предыдущего десятилетия. В любом случае литература «нулевых» – это никак не «каменный век словесности», который уже поспешил провозгласить Олег Лукошин – кстати, один из самых талантливых современных молодых прозаиков.

Александр Снегирёв, прозаик:

За последние пять–десять лет в русской литературе произошёл настоящий взрыв, многие стали писать, многих начали издавать. Российские новинки заполнили полки магазинов, читатели заинтересовались книгами современников, а некоторые авторы стали настоящими звёздами. Появилась конкуренция между авторами, существенно увеличились гонорары, выросло количество книжных магазинов.

Благоприятную роль сыграли блоги: теперь каждый может попробовать себя в сочинении текста и каждый имеет шанс быть услышанным.

У литературы в России большое будущее, особенно в период финансовой стагнации, – это дешёвый вид искусства, материальные затраты на производство минимальны. В литературе могут реализоваться многие смелые замыслы, т. к. автор сам волен принимать любые художественные решения. Российское общество погружено в пучину страстей, что тоже идёт на пользу литературе – сюжеты и энергии переполняют окружающее пространство. Кроме того, внимание общества к писателям в России традиционно высоко. Короче, перспективы самые радужные... если, конечно, социальные или ещё какие катаклизмы не захлестнут...

Андрей Рудалёв, критик:

Конечно, можно обыграть само понятие «нулевые», как это делает Евгений Ермолин в статье «Не делится на ноль». Говорить о некой иллюзорности, о том, что произошёл застой смыслов и ценностей. Увидеть и вычленить можно многое...

На мой взгляд, важнейшим в «нулевые» явилась заявка во весь голос и решительное вступление в литературу нового поколения писателей и критиков. Огромную роль здесь сыграли такие организационные структуры как Форум молодых писателей в Липках и премия «Дебют». Ключевым событием стал «новый реализм» и разговоры вокруг него. «Новый реализм», выросший на руинах бастиона постмодерна, эстетика которого ушла на зады. Захотелось искренности, ясности, очевидности, наступило пресыщение окололитературной игрой в словесный бисер, появилась жажда поиска

истины. Всё это встряхнуло дремавшее литературное болото, и на нём появились свечения.

Важным достижением этого десятилетия стало и то, что на современную отечественную литературу начали попросту обращать внимание. Власть стала присматриваться настороженно к ней, но многим важнее, что читатель всё более обращает на неё свой взор. Наконец-то мы вспомнили, что у нас есть толстые литературные журналы. Что их, пожелтевшие, с обильным покровом пыли, не обязательно отыскивать на чердаке дачи или в кладовке, но можно подписаться, найти новые номера в «Журнальном зале».

В «нулевые» современная литература шла по пути обретения себя, восстановления утраченных позиций. Предпринимала различные шаги навстречу читателю и обозначила себя равноправной и значимой частью книжного рынка. Конечно, здесь были определённые уступки в смысле «высокохудожественности» ради поиска взаимопонимания с тем же читателем. Ведь одно время мучило ощущение, что читатель её потерял. Он осторожничал, выжидал, вовсе не стремился с головой окунуться в бурный круговорот современных литературных страстей. Да и зачем? Всему этому можно предпочесть отдохновение в диалоге с общепризнанными классиками.

Разговор об итогах важен ещё и с точки зрения проведения определённой ревизии результатов. Тем же «толстякам», чтобы вновь не впасть в летаргический сон и окончательно не обветшать, требуется серьёзная модернизация. То же и с премиальным институтом. «Большая книга» и особенно последний «Букер» показали, что их выбором руководит некий усреднённый компромисс плюс масса внелитературных и внеэстетических факторов. Всё-таки главными книгами года должны признаваться не тексты бесконфликтные и устраивающие жюри. Это должен быть читательский выбор, а не вызов узкой литературной прослойки всему обществу. Всё это я к тому, что в следующем десятилетии, чтобы закрепить свои позиции и шагнуть вперёд, литературе необходимо вспомнить, что у неё всегда были большие внелитературные задачи. Она должна влиять на общество, быть определённым арбитром и экспертом, вождём, интуитивно пророчествовать. Иначе её быстро сдадут в утиль.

Помимо этого надо вырабатывать противовес против тотального гнёта книжной бизнес-индустрии. В «нулевые» она своё дело сделала. Стали издаваться и широко «раскручиваться» современные отечественные авторы. Современная литература вообще стала особым издательским брендом. Но в какой-то момент диктат бизнеса здесь будет иметь всё более деструктивный характер.

Десятилетие не стало гениальным, блестящим, но оно сколотило отличную базу для будущих прорывов. В «нулевые» сложилось поколение. И очень бы хотелось, чтобы оно и дальше двигалось полком, а не развеялось по свету. В следующем десятилетии «новые» авторы перестанут быть таковыми, поэтому после нахождения метода, каковым стал «новый реализм», им надлежит большая стилистическая работа, поиск и обретение смыслов. Если

в «нулевые» в силу специфики их задач можно было что-то попускать, то далее должен идти строгий, суровый счёт.

Роман Сенчин, писатель:

На мой взгляд, бесспорно, что в так называемые «нулевые» годы в нашей литературе появилось целое поколение ярких, талантливых писателей. Причём во всех жанрах литературы.

Возраст дебютантов «нулевых» разный. Кому-то уже сорок с лишним, кому-то едва за двадцать, но у большинства есть нечто общее – кажется, это серьёзное отношение к писательскому слову, сознание того, что литература – это не частное дело, а общественное. То есть дело, влияющее на общество.

Назову имена тех, кто, по-моему, стал открытием этого десятилетия и наверняка останется в истории литературы, – в прозе Захар Прилепин, Денис Гуцко, Дмитрий Новиков, Сергей Шаргунов (по крайней мере, с повестью «Ура!»), Алексей Иванов (открытый в самом начале «нулевых»), Андрей Рубанов, Герман Садулаев, Михаил Тарковский, Василина Орлова, Ирина Мамаева, Анна Козлова, Олег Зоберн, Илья Кочергин, Данил Гурьянов, Антон Тихолоз; в поэзии Анна Логвинова, Анна Русс, Андрей Нитченко, Катерина Кюне, Анна Матасова, Игорь Фёдоров, Ирина Сурнина; в драматургии Василий Сигарев и Ксения Степанычева; в критике Валерия Пустовая, Андрей Рудалёв, Сергей Беляков, Алиса Ганиева, Дарья Маркова... Наверняка кого-то упустил, но это только подтверждает обилие новых талантливых авторов.

Первое десятилетие XXI века оказалось очень благоприятным для расцвета молодой литературы. Открылись журналы для дебютантов, писатели старшего поколения проявили интерес к новым авторам, появились премии для молодых – «Дебют», «Эврика», стал проводиться Форум в Липках.

Наверное, «нулевые» можно сравнить с двадцатыми годами и концом пятидесятых–началом шестидесятых прошлого века. О результатах говорить, конечно, рано, но уже сейчас можно почувствовать, что русская литература стала разнообразнее, свежее, смелее, чем в семидесятые–девяностые... Вообще, грустно, что в те десятилетия молодых писателей мариновали, выдерживали, заслоняли. В итоге мы имеем отдельные имена, отдельные клочки того времени. В художественной литературе почти не отображены ни застой, ни перестройка. Поколение «нулевых» так или иначе создало панораму своих «нулевых».

Меня часто обвиняют в поколенческом шовинизме. Но я действительно считаю, что литература, появившаяся в последние десять лет, достойна разговора. Я понимаю, о чём пишут нынешние молодые писатели, в отличие от большинства тех, кто был лицом литературы конца восьмидесятых–девяностых. То время для меня – тёмное время, не оставившее почти никаких ценностей, кроме разве что некоторых произведений Людмилы Петрушевской, Светланы Василенко, Сергея Каледина, Юрия Полякова, Юрия Короткова, Олега Павлова... У каждого, думаю, есть свой список, но он вряд ли будет длинным. По сравнению с тем периодом литература

«нулевых» необычайно пестра и богата. И не только благодаря новым писателям, но и писателям старших поколений, пытающимся (и нередко удачно) писать по-другому, по-новому. Рискующим меняться.

Елена Погорелая, критик:

Уходящее «литературное десятилетие» – по аналогии с «литературным семилетием» Ирины Роднянской – запомнилось прежде всего своими мифами, устойчивыми литературными мифами «нулевых». Это – каркас, в который оказались вписаны и поэзия, и проза, и критика, причём не только поэзия, проза и критика «двадцатилетних», но и творчество представителей старшего поколения – по крайней мере тех, кто действительно ожидал обновления на сломе веков. Мифы стали своего рода противовесом постмодернистской энергии разрушения, вывернувшей девяностые в поисках того, что ещё можно смести, уничтожить, высмеять, переиначить, развенчать и т. д.

В сфере поэзии таким мифом, безусловно, оказалась актуальная, или новейшая, поэзия, которая столь долго отвоёвывала право на то, чтобы считаться мейнстримом, что в конце концов убедила неконфликтное большинство в своём «праве на радость» и заняла в литературе законное локальное место. Впрочем, об этом мифе уже достаточно сказано и написано; добавлю только, что последние годы отличаются особенно безупречной демократической «веротерпимостью», наглядный пример которой – грамотно составленный шорт-лист «Дебюта» в номинации «Поэзия»: Алексей Кашеев и Кирилл Корчагин располагаются на полюсах поэтической оси, Екатерина Соколова и Дмитрий Машарыгин занимают места посередине с уклоном: кто – в традицию, кто – в новаторство. Словом, и волки сыты, и овцы целы, хотя отдельных нападок конфликтующих сторон друг на друга избежать всё-таки не удалось.

Вообще, в поэзии периода «нулевых» наметилось какое-то движение, проснулись подземные токи; узнаваемое стали поэтические интонации, сложились стратегии, стилистическая эклектика перестала удовлетворять, устремилась «на глубину». Безусловно значимыми для меня именами этого периода являются имена Марии Галиной, Бориса Херсонского, Ирины Ермаковой, Бахыта Кенжева, Владимира Строчкова – хотя вершины Сергея Гандлевского и Олега Чухонцева всё ещё остаются недостижимыми.

Говоря о прозе, необходимо заметить, что именно эта сфера литературы подверглась наиболее ярким и значительным деформациям, именно здесь литературные мифы «нулевых» обжились и пустили глубокие корни. Всё началось с «нового реализма», введшего в литературу не только ряд новых писателей, но и группу молодых критиков, чьё начало помнится не чем иным, как рьяными спорами и выступлениями по поводу «нового реализма». К 2007 году критика и читатели столкнулись с феноменом «офисного романа» – и хотя прозаик Александр Кабаков в одной из дискуссий и предсказывал, что «офисный роман будет носиться недолго», влияние этого жанра на судьбу по крайней мере молодой прозы очевидно. Роман Романа

Сенчина «Лёд под ногами» и его же рассказ «Персен», роман Германа Садулаева «Таблетка», косвенно – текст молодого прозаика Олега Сивуна «Бренд» – всё это так или иначе соотносится с «офисной прозой» и провоцирует на дальнейшие размышления вокруг нового «городского романа».

Пожалуй, картина прозы «нулевых» оставляет наиболее полное, радостное и глубокое впечатление. На сломе веков в литературу пришли писатели зрелые, обладающие сильным и болезненным опытом и умеющие этот опыт передать, воплотить; пришли писатели молодые, чьи поиски в прозе приводят их подчас к ярким открытиям. «Малая Глуша» Марии Галиной, «Блуда и МУДО» Алексея Иванова, «Елтышевы» Романа Сенчина, «2017» Ольги Славниковой, «Время женщин» Елены Чижовой способны составить превосходную антологию романа начала XXI века.

Что касается критики, то она действительно пошла в гору и с довольно аморфных, обобщённых статей переключилась на детальный, ироничный и вдумчивый разговор о персоналиях современной литературы, о трендах и новых явлениях. Не могу не упомянуть о замечательных книгах статей, увидевших свет в начале двухтысячных – «Движение литературы» Ирины Роднянской, «Дело вкуса» Игоря Шайтанова, «Только текст» Марии Ремизовой и т.д., а также о статьях Евгении Вежлян и Владимира Козлова – о поэзии, Алисы Ганиевой – о прозе; о содержательных полемиках и круглых столах в различных журналах, наконец, о той напряжённой и, в общем-то, счастливой атмосфере, в которую мне довелось попасть на излёте «нулевых».

Алиса Ганиева, критик:

О новом литературном контексте, сформировавшемся в последние десять лет, легко судить уже по этому обсуждению. Выступления пестрят скрытыми цитатами (к примеру, «Свечение на болоте», упомянутое Андреем Рудалёвым – это статья Романа Сенчина о новом писательском поколении, в чудесном порыве написанная после четвертого Форума в Липках). Это значит, что, во-первых, этот контекст существует (об этом свидетельствует повторяющаяся у выступавших подборка новых имён, терминов, проблем), а во-вторых, – кардинально отличен от того, что было в девяностые. В общем-то, и то и другое – банальность. Более конкретно это самое «новое» ярко и по существу описал Сергей Шаргунов, «мальчиком Серёжей Шаргуновым» стоявший у порога литературного десятилетия.

Основные вехи декады: смена большого стиля (параллельно смене политической ситуации). Тут надо оговориться, что это не замена условного «постмодернизма» на условный «новый реализм», а совмещение, слияние различных методов на фоне возрастающей популярности нон-фикшн, документалистики, исповедальности («новой искренности»), автобиографизма с одной стороны и альтернативной истории, антиутопии, неомифа – с другой. На одном конце – ряд молодых писателей, работающих в сугубо реалистической манере, на втором – такие наджанровые, открытые

смысловым и языковым экспериментам писатели как Славникова, Галина, Быков, Иличевский, Улицкая, тот же Алексей Иванов и т. д. Разумеется, и там и там остается место для суб- и паралитератур. Надо отметить рождение новых литературных премий (начиная с премий Белкина, имени Юрия Казакова, «Национальный бестселлер» и заканчивая «Носом»), многие из которых тут же потеряли денежное наполнение и осимволичились. «Тучность» и вперёднаправленность девяностых сменились финансовым оскудением и ретроностальгией «нулевых». Произошла реинкарнация социально-литературного феномена «молодые писатели», чему способствовали и сопутствовали негосударственные проекты Фонда «Поколение» Андрея Скоча и Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ Сергея Филатова. Возникновение премии «Дебют», ежегодных форумов молодых писателей и другой институциональной поддержки нового, пришедшего в «нулевые» литературного поколения (на фоне активизации общего интереса ко всему «молодому» и размножения политических молодёжных организаций).

Помимо «новых» писателей появились (начиная с Валерии Пустовой) «новые» критики, которые пытаются осмыслить литературную ситуацию текущего времени с и без поколенческого деления. При этом ряд критиков девяностых сменил род деятельности, изменились формы критического высказывания, практически исчез годовой обзор, появились новые сетевые площадки.

Литературное десятилетие означилось следующими, пусть и не очень принципиальными, проблемами: есть ли «новый реализм» и что это такое? каков современный литературный герой? как и в каком формате выживать толстым журналам (а также аналитической литературной критике)? Демократизация литпространства (допуск молодых авторов в консервативные издания); новый виток взаимоотношений писателей с властью (прецеденты встреч писателей с президентом и высокими чиновниками и т. д.). Список можно продолжать.

Михаил Бойко, критик:

На днях я перечитывал книгу Олега Давыдова «Демон сочинительства» и наткнулся на потрясающе точное предсказание: *«Нет, что бы ни говорили, а потребитель соцреализма никуда не исчез. Да и куда бы ему исчезнуть? Не надо быть большим пророком для того, чтобы предсказать повышение спроса на совковую литературу после кратковременного его затухания. И соответственно – дальнейшее развитие этой литературы, обновление её репертуара. Да что говорить, этот процесс пошёл уже полным ходом»*. Самое интересное, что написано это в сентябре 1993 года – задолго до того, как указанная тенденция возобладавала.

Репертуар соцреализма обновился, и произошло это как раз в «нулевые» годы. Вдруг оказалось, что техника письма, выработанная в годы соцреализма, как нельзя лучше подходит для обслуживания социального

заказа XXI века. Конечно, суть соцреализма при этом была выхолощена и подменена, но форма осталась практически неизменной.

Нас не должно сбивать с толку, что для государства и общества девяностые годы – это тяжелейший период. Так уж получается, что материальное благополучие и творческая энергия часто колеблются в противофазе не только у индивида, но и у социума. Девяностые годы – это эпоха литературного расцвета, новаторства, экспериментирования, бунтарства, обогащения новыми практиками, приёмами и смыслами. В чане литературы в это время бурлит сусло из множества ингредиентов: концептуализма, постмодернизма, метафизического реализма, рецептуализма, психоделики, натурализма и т. д.

«Нулевые» годы – это блаженная расслабленность. Вместо прежнего многоцветья – набивший оскомину убогий нарратив, тягучее месиво, взбухшее на соцреалистической закваске. Правда, и на этом фоне вспыхнуло несколько новых имен – Михаил Елизаров, Андрей Рубанов и другие. Но диапазон литературных исканий сильно сузился. Даже Лев Данилкин, главный идеолог «нуледесятничества», в «Нумерации с хвоста» был вынужден признать: *«Ни один из отобранных текстов нельзя назвать по-настоящему авангардным. <...> Выбирая способ повествования, литераторы останавливаются на традиционном проверенном реализме – и не случайно в 2008-м так много было добротных реалистических романов».*

Именно – добротных. Американские производители в этом случае говорят good enough. Литература «нулевых» – это good enough литература. Без шедевров, без надрыва, без трансценденции. Даже Сорокин и Пелевин превратились в good enough писателей, так что уже Проханов выглядит более смелым экспериментатором.

А имеют ли экспериментальные и вообще альтернативные мейнстриму направления в литературе то значение, которое мы им придаём? Мало кто задаётся этим вопросом. Вот поэт Кирилл Медведев задаётся, и я не могу отказать себе в удовольствии процитировать его статью из альманаха «Транслит»: *«В каком случае человек остро жаждет поэтического новаторства, в каком случае им владеет этот фетиш “новизны”? Конечно, в том случае, если человека не устраивает та стратификация – социальная, этническая, идеологическая и т. п., которую он ощущает в обществе, и он – осознанно или нет – хочет иной, хочет, чтобы связи между людьми проходили по каким-то другим линиям».*

Доминирование в современной литературе «добротного реализма» отражает запрос на консервацию общества – замораживание status quo, в котором заинтересована новая элита и её литературная обслуга. Не будем забывать, что главный потребитель и заказчик литературы сегодня – это государство (и зависимый от него крупный капитал).

В результате «бунтари» оказались вытеснены на обочину литературного процесса. Не скажу, что они совсем исчезли. Есть Кирилл Медведев, есть Алина Витухновская, есть Алексей Цветков, есть Ефим Лямпорт, есть

Дмитрий Галковский и многие другие. Но они существуют в своих «анклавах» и практически не влияют на мейнстрим.

Зато сформировался запрос на псевдобунтарей, отвлекающих ресурсы и внимание от подлинных радикалов. Наиболее характерный пример – раскручиваемый либералами и отдельными близорукими патриотами Захар Прилепин. Оказалось, что радикальная риторика превосходно сочетается с подхалимажем и заискиванием перед влиятельными в литературном мире людьми. Не прошло и пяти лет, и вот уже тёртые, мастеровитые профессионалы угодничают перед пронырливым литератором, владеющим пером на уровне десятиклассника!

Регресс наблюдается и в литературной критике. Фактически ушли из критики по разным причинам Вячеслав Курицын, Дмитрий Бавильский, Игорь Зотов, Олег Давыдов, Ефим Лямпорт и другие. Появились новые критики, но равнозначными фигурами они пока, на мой взгляд, не стали. Если бы критика сегодня работала эффективно, курьёзы, подобные Прилепину, были бы невозможны.

Многие ниши в литературной критике вообще не заняты. Когда Елена Погорелая, Валерия Пустовая и Алиса Ганиева создали сообщество «ПоПуГан», я подумал: а с кем из сверстников-критиков я бы мог объединиться? И вдруг с ужасом осознал, что ни с кем. Кое с кем из поэтов – мог бы. Кое с кем из прозаиков – тоже. А из критиков – ни с кем. Есть близкие мне критики из старшего поколения, есть подающие надежды критики из младшего поколения, но среди сверстников я не вижу ни одного единомышленника. Возможно, это усугубляет мой пессимизм.

Сейчас многие говорят об «упущенном десятилетии». Я думаю, что эти слова можно отнести и к литературе.

Арсений Замостьянов, поэт, литературовед:

Начну с банальности, да, наверное, в том же духе и продолжу. Как быстро мы перешли во второе десятилетие XXI века. Больше нет «нулевых», начинаются десятые годы. Давно замечено, что «нулевые» – это не только числительное, но и качественное определение десятилетия. Но это логика брюзжания, а она в истории всегда оказывается битой. Ведь в лучшие эпохи нашей литературы критики настойчиво говорили о «кризисе». И при Пушкине, и при Толстом. Кризис, кризис...

Самое яркое эстетическое отличие «нулевых» годов – это, несомненно, культ президента Путина. Пожалуй, никогда в истории России глава государства так не заслонял всех прочих «замечательных людей» своего времени, будь то полководцы, учёные, лётчики или писатели. Сегодня система отшлифована так, что за Путиным – пустота. Я отношусь к этому без предубеждения: история вполне может доказать, что такая идеология целесообразна. При этом литература не имеет к этому культу прямого отношения, культ не нуждается в беллетристической службе. А косвенно главный феномен русского XXI века произрастает из литературных

источников, из военно-приключенческого масскульта. Здесь не обошлось без кожевниковского «Щита и меча» и, конечно, без юлиансемёновского эпоса об Исаеве-Штирлице. Повлиял и Фандорин – самый влиятельный литературный герой конца XX века, куда более соевый и пластмассовый, чем Штирлиц, но влиятельный, тут уж ничего не поделаешь...

В «нулевые» годы окончательно исчезла «литературоцентричная цивилизация», которая, впрочем, уже и в девяностые была условной, атавистической. При этом атмосфера стала более гуманитарной, я бы сказал – легковесно гуманитарной. Политологи, журналисты, всяческие экономисты, баталёры от рекламы и идеологии оттеснили инженеров и мастеров. Именно техническая интеллигенция в годы литературного бума определяла читательский заказ – и на «перестроечную» литературу, и на деревенщиков, и на Трифонова, и на Вампилова. Было время, когда и читателями поэзии были не только сами стихотворцы, но и офицеры, научные сотрудники, инженеры. Между прочим, такой резонанс обязывал поэтов хоть как-то укорачивать свой снобизм. В «нулевые» снобизм в собственном соку, увы, стал поэтическим символом веры. И присущ он не только студентам, но и старшим товарищам. Снобизм для поэта – как водка для эвенка. Губит молниеносно. От подробных разборов воздержусь, но предположу, что это и есть самая печальная тенденция «нулевых».

Другая тревога – невнимание к толстовскому наследию. Заметно, что для молодых литераторов Лев Николаевич Толстой перестаёт быть живым классиком. О Пушкине, о Достоевском, о Чехове они знают куда больше. Приблизиться к литературным вершинам Толстого не удавалось никому, забывать о нём опасно. Позволю себе очередное предположение в духе вульгарного социологизма: не вписываются потребительские «нулевые» во вселенную Толстого. Как никто из классиков он не даёт нам благословения... Тем хуже для нас.

Сергей Арутюнов:

О поколении лично мне и при мне говорить бессмысленно. Для меня его нет и уже никогда не будет. Но это частность, а общее состоит в том, что всякое поколение рано или поздно осознаёт себя товаром и покупается, и движение его к покупке предыдущим поколением является взаимотяготеющим. Старшие хотят корчить хозяев, а младшие мечтают стать хозяевами.

В начале десятилетия я был прекраснодушным (от слова «духота») идиотом. Моё отличие от общего идиотизма состоит, может быть, в том, что я не перестал идиотничать и по сей день, но тогда – не столько неся прекрасную чушь, сколько радостно видя вокруг себя умножающееся число сподвижников, я восторженно предчувствовал небывалое и невозможное: вот сейчас эти люди моего возраста, опыта и даже вкуса обопрутся на меня и прыгнут в завтрашний день, слово которого будет открытым и гласным, громким уже потому, что говорить будут люди, чуть ли не впервые свободные от всех обязательств перед прошлым, настоящим и будущим.

Я считал, что от таких обязательств освобождает страдание, а оно было. Я ведь прекрасно помню время, когда власть отказалась от нас, как от постыдного для развитого государства западного типа балласта, и оглоушенные люди пропадали за несколько дней, словно в центре страны зазияла чёрная дыра. Ни денег, ни работы – страдание ли после развитого социализма? Ещё какое.

Лучше всего пришлось контркультуре – у неё никогда не было ни денег, ни работы. Ей и сейчас неплохо – пригелась на олигархической груди. Совершенно верно то, что магнаты будут выращивать именно самый оглоудский вариант литературы – невнятицу, не позволяющую народу осознать своё истинное, приниженное, угнетённое положение.

Что тогда, в девяностые, понимали простые люди, далёкие от интеллигентской богемы? Что могли они понять у запертых дверей заводов и фабрик, у бубнящего телевизора, выворачивающего прежние ценности наизнанку?

Так стоило ли посвятить жизнь тем, кто намеревался произнести приговор всей этой говённой свободе, устроенной специально для самых жадных и подлых? Стоило. Ни минуты не раскаиваюсь.

Одно больно: не все допрыгнули и в процессе прыжка волшебным образом продеформировались. Те, кто не допрыгнул, смолкли. Зато допрыгнувшие до твёрдого бережка практически благоденствуют, потому что прыжок, оказывается, должен был быть не затяжным, а, как бы это выразиться поточнее, – фигурным. Прыжком по правилам. Оказывается, многие произносимые в горячке слова оценивала вроде бы незримая компетентная комиссия, имеющая в виду одно: систему опознавания «наш–не наш». «Трендом» назначили изничтожение реализма как совестливого размышления о происходящем. «Трендом» стало глумление.

И далеко не у всех оказался в наличии этот феноменальный талант протягивать руки ко всем, кто имеет власть и влияние. С радостью, пением гимнов, подношением хлебов и отложных солей встретили в предбанниках бессмертия новых адептов, понявших эти простые законы бытия. А я стоял рядом и аплодировал, не понимая, что в эти секунды зачёркивают всех остальных. Ну не держит человеческая память сотни имён, имеет при себе с десяток, и то много – тесть, золовка, свояк да крёстный. Ну, несовершенны люди. Ну, разные вкусы. Куча объективных обстоятельств для забвения.

Только через несколько лет я всё это ощутил, понял, увидел, помотал головой и несколько прозрел.

Что греха таить, был и в моей жизни момент, когда я ощутил под собой эти бесконечно добрые руки старших товарищей, которые вроде бы куда-то меня передавали, словно бы из горсти в горсть, делали мне «личное маленькое индивидуальное будущее».

На этой волне я было и воспарил, но, отдав мне некоторый значимый аванс за бескорыстное служение их версии литературного процесса, меня благополучно и благодушно оставили дозревать до таинственных «корпоративных ценностей», откуда открылась бы следующая перспектива –

уже не серебряно-прикладная, а позолоченно-авторская. Верно: либо иницируйся по полной, становясь бесправным рабом, либо гуляй дальше.

Вот и всё.

Теперь я понимаю одно: порядочный человек непременно должен пережить глубочайшее разочарование в своём поколении, потому что в каждом поколении есть от века обычные карьеристы и обычные неудачники, и ни к литературе, ни к какому-либо духовно-нравственному состоянию общества, взятому само в себе, это не имеет никакого отношения.

Победители и проигравшие.

Гордо числю себя в последних.

Второе: нет мира, нет и особенностей.

Кто-то, может быть, считает, что создал или создаёт какое-то особое вокруг себя пространство – премиальное, издательское, сетевое ли, – но для меня, для меня лично ничего этого нет. И только потому, что нет у сегодняшнего наступившего ни своего хрипато-голого, ни своей выстраданной идеи, светлой или мрачной, но единящей одних с другими. Нет и цели, ради которой можно было бы взойти на плаху или там какой-нибудь костёр. Пять-шесть районных банд делят город – «а наши парни носатее», «а наши девки визгливее».

Третье: пока у литературы не появится адекватного – вдумчивого, сопереживающего хотя бы – массового читателя, ничего и не будет. Словесность погружается в хтонический мрак не из-за опережающих её зомботехнологий воздействия на сознание, а из-за того, что души словесников оказались не готовыми к настоящей, истощающей, самоубийственной русской исповеди перед миром и Богом, если Он, в конце концов, есть.

И *те* ввали, и мы успели наврать про себя и время столько, что теперь нужно наново разгребать эту кучу вранья, разбираться, кто и что себе прирезал соседского. Ваучерная приватизация повторила себя в словесности лишь с тем отличием, что залоговые аукционы в ней идут до сих пор.

Очищения словом не произошло. А должно было. После всего случившегося в нашей истории – обязано было произойти.

Что ж останется? «Вкусный обед для равнодушных кошек»? Да хоть кошачьи туалеты. Пара фунтов загаженного песка.

Здесь не хватает – чувствуете? – прилива. Морской волны. Или энергичного нажатия ручки смыва.

Максим Лаврентьев: Не вижу ничего плохого в «смыве». По сути дела, это всего лишь очищение.

<...>